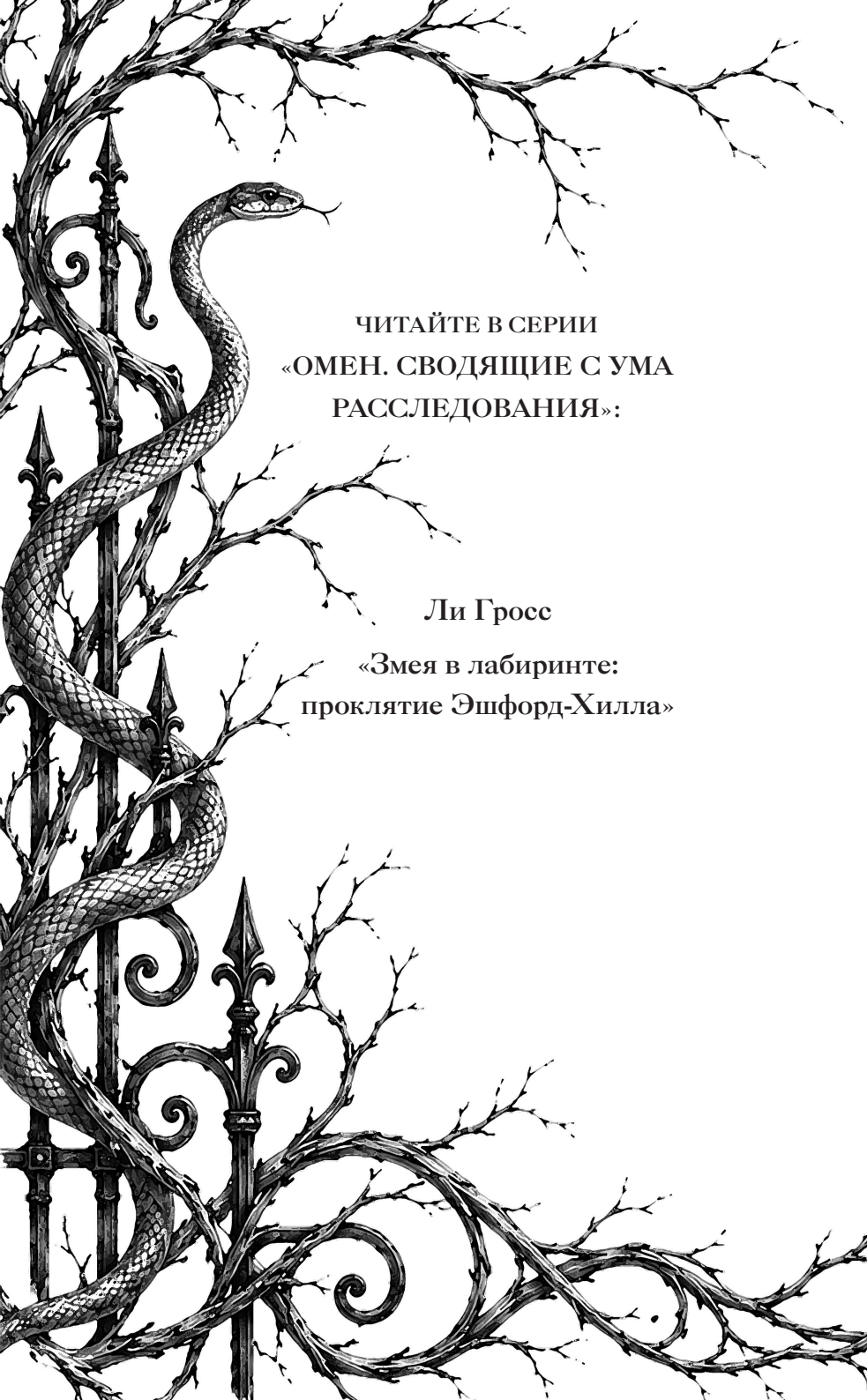

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ОМЕН. СВОДЯЩИЕ С УМА
РАССЛЕДОВАНИЯ»:

Ли Гросс

«Змея в лабиринте:
проклятие Эшфорд-Хилла»

ЛИ ГРОСС

ЗМЕЯ В ЛАБИРИНТЕ

ПРОКЛЯТИЕ ЭШФОРД-ХИЛЛА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г88

Художественное оформление *РИДЖИ*

Дизайн макета *К. Оскаровой*

Книга издана при участии Валерии Бирюковой,
литературного редактора и автора канала «Дерзкая Улитка»

Гросс, Ли.

Г88 Змея в лабиринте: проклятие Эшфорд-Хилла / Ли Гросс. — Москва : Эксмо, 2026. — 576 с.

ISBN 978-5-04-233954-7

Из поместья графа Эшфорда доходят вести самого тревожного свойства. Смерть главы рода, уже успевшая взволновать округу, обернулась происшествием, достойным самого дурного романа: в ночь перед погребением тело покойного исчезло из родовой часовни.

По настоянию дочерей графа к расследованию привлечён частный сыщик мистер Томас Ливингстон, снискавший известность в делах, запутанных и неблагоприятных. При нём состоит юный помощник Джими, мальчик низкого происхождения, чья уличная сноровка и острый глаз нередко оказываются полезными.

Однако правда в Эшфорд-Хилле не добывается лёгким путем. Слухи шепчутся о тумане, сгустившемся над поместьем и не выпускающем никого за пределы, и видениях, коим трудно найти разумное объяснение.

Немало толков вызывают и дочери покойного, каждая из которых хранит свои тайны, а одна из них, кажется, относится к сыщику с чувством, более опасным, чем требует приличия.

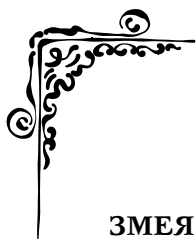
Что за давняя трагедия оставила свой след в этих стенах и не даёт покоя ни живым, ни мёртвым? И куда подевалось тело графа?

Подробности пугающего расследования — в нашем новом выпуске «Омен. Сводящие с ума расследования».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Баранова Ю., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-233954-7

1

ЗМЕЯ, СВЕРНУВШАЯСЯ В ЛАБИРИНТЕ

*21 октября 1889 года,
Лондон, район доков,
вскоре после полуночи*

Слабый лунный свет озарял выложенную брусчаткой мостовую. Добротная, камень к камню, она казалась единственной достойной частью всего этого жалкого портового района. В остальном гордиться здесь было нечем: бедность, клопы и нечистоты давно превратили его в гниющую смрадную дыру, в которую стоило соваться, только имея на то очень веские причины.

Например, безграничное отчаяние и полную безысходность.

Но если это относилось лишь к местным жителям, то случайные гости могли оказаться здесь и по-другому: во времена моей службы констеблем, чтобы попасть сюда в патруль, достаточно было лишь прилично провиниться. Что-что, а это я знал не понаслышке — будучи еще юнцом, пылающим бесконечной жаждой справедливости и такой же бесконечной глупостью, я поймал одного сержанта на взятках. Тот не глядя выдавал справки о смерти, помогая родителям погибших детей получить у профсоюзов страховые выплаты. И его вовсе не волновало то, что многие дети погибали при весьма подозри-

тельных обстоятельствах: содержать лишний рот в Лондоне могли себе позволить не все. Но, вместо того чтобы сдавать детей, которых они не могли прокормить, в рабочие дома, некоторые особо отчаянные готовы были лично избавиться от такого тяжелого бремени, предварительно застраховавав свое чадо...

Как бы то ни было, особого толка мой отчет не принес: сержанта лишь слегка пожурили (и то скорее за то, что попался), а вот его покровители, с которыми он делился процентом, обеспечили мне смены в порту среди забулдыг, проституток и мелких жуликов на долгих три месяца. С тех пор жажды справедливости у меня поубавилось, а несколько лет примерной службы и повышение до инспектора позволили больше не морозить себе задницу в патрулях. Так что, к своей огромной радости, в районе доков я не появлялся уже несколько лет.

Сегодняшний день оказался исключением.

Я выругался и со злостью захлопнул за собой дверь паба. Та пронзительно всхлипнула и чуть не слетела с петель, но мне было решительно все равно. Мне сложно было смириться с тем, что встреча в дешевой забегаловке самой отвратительной части города оказалась лишь глупым розыгрышем. У меня были все основания так считать: таинственный информатор, на которого я возлагал большие надежды, спешно ретировался прямо посреди разговора, так и не сообщив ничего ценного. Напоследок он оставил лишь бесполезные бумажки, спутанные извинения и обещание связаться со мной позже.

Верилось в это с трудом: я понял, что не знаю о странном типе ровным счетом ничего. Своего имени он не назвал, а цилиндр с нелепо огромными полями отлично скрывал его лицо от скудного освещения газовых ламп. Пожалуй, единственной примечательной деталью гардероба моего собеседника было красное перо, заткнутое за ленту вышедшей из моды тридцать лет назад шляпы.

Вот только вряд ли этого хватит, чтобы найти человека в огромном, забитом, как повозка могильщика после Рождества, городе...

Проклятье! Мысль об очередной неудаче настолько выбила меня из колен, что я поскользнулся и чуть не угодил в сточную канаву, густо поросшую чертополохом и ракитником. Ботинки тут же промокли и покрылись зловонной рыбьей чешуей. Что ж, заявиться сюда в приличной обуви было сомнительным решением. Дав себе зарок впредь ступать осмотрительнее, я сделал еще один шаг и... чуть не споткнулся о тело.

Оно лежало прямо посреди дороги, преграждая путь свободолюбивому ручейку помоев. Настолько свободолюбивому, что ему пришлось проложить себе новое русло: ручеек огибал правое плечо и голову лежащего на мостовой мужчины, возвращаясь к своему нормальному течению где-то в районе его колен. Самому мужчине это, кажется, ничуть не мешало. А может, ему уже было все равно.

Я подошел чуть ближе и пригляделся. Дышит или показалось? В такой темноте и не разберешь: тусклые газовые фонари в районе доков горделиво возвышались только у пабов и борделей. Конечно, не для удобства клиентов — так вышибалам было сподручнее выколачивать деньги из тех, кто попытался смыться не заплатив.

Я наклонился над лежащим и поморщился, прикрывая лицо рукавом. В нос ударила ядреная смесь дешевого пойла и давно не чищенного отхожего места. Как назло, ветер тут же усилился, давая шанс почувствовать каждую нотку изысканного аромата. Глаза предательски заслезились: кажется, насчет «давно не чищенного» я погорячился. Вернее было бы сказать — никогда. Словно в подтверждение этой мысли мимо прошмыгнул темный шерстяной комок, остановился возле тела, принялся и с возмущенным писком метнулся куда-то в сторону.

Что ж, кажется, даже крысы брезгают местными жителями. Мне было сложно их в этом винить: преодолевая отвращение, я наклонился и протянул руку к плечу лежащего на земле мужчины.

— Эй, ты чего там удумал?! — тут же раздался визгливый голос откуда-то сзади.

Что-что, а неприятности, благодаря которым можно попасть в полицейские отчеты, этим вечером мне были совершенно не нужны. Я отдернул руку и обернулся — в распахнутых дверях клоповника за моей спиной стояла женщина. Сальные, непонятного цвета волосы, застиранное штопаное платье на пару размеров меньше нужного, кривой, не раз переломанный нос и рытвины от оспы, которые не могло скрыть даже отсутствие освещения и несколько унций смертельного оттенка белил.

— Ты кто такой, а? А ну, пошел отсюда! — возвестила милая дама, приближаясь. — Сейчас кузенов на тебя на травлю — будешь знать, как тут отираться!

Я молча пожал плечами, поднялся и нырнул в тень соседнего дома — судьба этого несчастного меня никак не касалась. Наверняка он знакомый этой крикливой особы, которая вполне способна сама о нем позаботиться...

Тем временем дама подошла к лежащему, оглядела пропитанные грязью обноски и смачно выругалась:

— А ну, вставай, выродок! Думаешь, можешь вот так просто свалить, не заплатив за пойло?! Ты и так мне уже шиллинг должен! — Она со всей силы пнула лежащего под ребра. — Эй, ты там сдох, что ли?

Мужчина не шевелился. Дама в оспинах сплюнула на мостовую, с кряхтением наклонилась и начала обшаривать карманы его лохмотьев, ворча и приговаривая что-то себе под нос. Что ж, кажется, и правда знакомый. А вот насчет заботы не задалось...

Впрочем, не мое дело. Я поднял воротник, перешагнул очередную кучу помоев и проверил, на месте ли по-

лученные от информатора документы. Все здесь. Надеюсь, я ошибся и в них обнаружится хоть что-нибудь полезное — тогда путешествие в эту клоаку того стоило.

Я вытер ботинки платком и, без раздумий избавившись от него, двинулся прямо, по дороге. К сожалению, им это не сильно помогло. Глядя на обильные потеки едва ли не разъедающей их грязи и прочий налипший мусор, я думал лишь об одном: можно ли избавиться от дерьма, не нырнув в него с головой?

*21 октября 1889 года,
Лондон, район доков,
около часа ночи*

Услышав глухой вскрик, старый нотариус не удивился. Он только переставил догорающую свечу ближе к краю стола, чтобы она ярче освещала дверь в комнату, и принялся ждать. Не прошло и нескольких секунд, как на лестнице раздались легкие, но уверенные шаги. Незванный гость даже не пытался скрываться.

— Как обычно, считаешь, что ты вправе делать все что угодно, — покачал головой старик, но в недоумении замолк, когда дверь распахнулась.

Он ожидал увидеть кого-то другого, но тусклый свет свечи выхватил из темноты щуплый силуэт высотой не больше пяти футов. Простое лицо, курносый нос, непритязательная, порядком потрепанная одежда. И белесые, обжигающие холодным презрением глаза.

— Так это все-таки ты, — хмыкнул старик. В его голосе послышалось восхищение. Он взял огарок свечи и вытянул руку вперед, чтобы лучше разглядеть лицо

стоящего перед ним мальчишки, беспризорника лет десяти-двенадцати.

От яркого света тот даже не поморщился, продолжая сверлить старика презрительным взглядом. Только губа слегка дернулась, будто пытаясь скривиться в усмешке.

— Зрочки уже не реагируют. Недолго ему осталось, — старик задумчиво пожевал губами, осматривая затягивающиеся белым глаза. — Но признаюсь, когда ты в первый раз пришел ко мне с этой идеей, я посчитал ее невозможной. Как же ты все-таки смог?

Мальчишка не отвечал.

— Если только... Ты... — прищурился старик. Его лицо озарила догадка, смешанная со страхом. — Нет, это же безумие!

Свеча в руке дрогнула, а огонек в ней заплесал от потока воздуха — мальчишка хрипло засмеялся. Надрывно, скомканно и слишком громко. Сложно было представить, что этот странный звук издают голосовые связки ребенка.

— Не безумие, если я успею добраться до Врат, — звук прекратился, а рот мальчишки растянулся в ухмылке. Кукольной и неестественной, как все его движения.

— До Врат? И что потом? Откроешь их? — недоверчиво протянул старик и вдруг улыбнулся.

Мальчишка, который только что сам заходилась смехом, дернулся. Его лицо перекосилось от ярости, а белесые глаза сузились.

— Что в этом смешного? — прошипел он, но старик продолжал смотреть на него с той же безмятежной улыбкой. Ровно до тех пор, пока не упал на пол: мальчишка с воплем толкнул его, вскочил на тощую стариковскую грудь и ухватился маленькими руками за хрупкую шею.

— Что в этом смешного? Что смешного?! — кричал он, сжимая все сильнее и сильнее. — Почему ты улыбаешься?!

Но старик уже не мог ответить. Свеча из его ослабевшей руки упала на пол. Пышный персидский ковер занялся пламенем, которое отразилось в пустых бельмах глаз мальчишки. Он разжал руки, маленькие и слабые, такие слабые, что их силы еле хватило задушить немощного старика, и покачал головой. Гнев на Аддерли был всего лишь наследием из прошлой жизни.

В этой же жизни, пусть пока и недолгой, пора было заканчивать с одним и переходить к следующему, более важному шагу. Мальчишка схватил с полки старика сургучную печать, быстро проглядел несколько писем — проверить, что он достаточно хорошо помнит почерк нотариуса, и выбежал на улицу по лестнице вниз, ловко переступив через несколько лежащих возле входной двери тел.

Не устояв, мальчишка обернулся на занимающийся пламенем богатый дом на самой границе с доками и вновь ухмыльнулся: устаревшие взгляды Аддерли посеяли меж ними раздор двадцать лет назад и окончательно разделили сейчас. Жаль, что старик настолько заостенел, что так и не перешел со свечей на газовые светильники...

*21 октября 1889 года,
центральный Лондон,
около трех часов ночи*

Несколькими часами позже у себя дома я просматривал все, что мне удалось достать на Смиттерсона. Этот тип занимал пост суперинтенданта всего пару лет, но и до этого умудрился наследить почти в каждом сомнительном происшествии, на которое полиция почему-то закрывала глаза.

Большинство этих происшествий объединяло одно: в Лондоне пропадали люди.

Они исчезали без причин и объяснений. Не допив чашку чая, не докурив сигару, не забрав у бакалейщика срочный заказ, не уложив детей спать. И как минимум части из этих исчезновений предшествовал визит странных джентльменов. Они были одеты в штатское, ходили по двое-трое, не имели оружия, но забирали своих жертв без какого-либо, даже формального сопротивления. Тихо и мирно, под покровом ночи.

И мне было сложно вообразить, почему такое оказалось возможным. Все это выглядело как заговор. Заговор хорошо организованных, обеспеченных деньгами и связями людей прямо здесь, в сердце Лондона. Казалось, в такое мог поверить только заядлый конспиролог. О, я бы тоже посчитал сумасшедшим любого, кто решился бы поведать мне такое хоть за стаканом бренди, хоть за чашкой чая.

Вот только... Одно из похищений я видел собственными глазами. Семнадцать лет назад люди в штатском забрали мистера Олсона, моего учителя по естественным наукам. Тогда, будучи двенадцатилетним бунтарем, я частенько сбегал от матери. В вечера, когда ее упреки и болезненная, граничащая с одержимостью забота становились совсем невыносимыми, я отпрашивался к мистеру Олсону в его скромные апартаменты на соседней улице. Там я занимался вместе с другими его подопечными, читал книги (те, что были дома, я давно выучил наизусть), но главное — слушал и впитывал удивительные истории, которые будоражили мое детское воображение: до работы гувернером Олсон много путешествовал. Индия, Китай, Австралия, Греция... Даже Египет! Места, настолько отличающиеся от единственного, что я когда-либо видел, — привычного грязно-серого Лондона, — что их сложно было даже вообразить.

Но я очень старался это сделать, забрасывая учителя самыми разными вопросами. И больше всего меня интересовал один: как после всех этих путешествий можно было вернуться назад, к скучной городской жизни? На что учитель, обожавший к месту и не к месту одаривать нас мудрыми поговорками, неизменно отвечал что-нибудь вроде: «Восток или Запад, а дом лучше». Конечно, я ему ни на йоту не верил и переспрашивал вновь, ведь мне казалось, что за причастность к этим историям, к другому, сказочному миру, полному чудесных вещей и удивительных приключений, можно отдать жизнь.

Тем не менее в вечер, когда явились незнакомцы, я не сделал ничего. Только сидел в платяном шкафу, куда заставил меня спрятаться мистер Олсон, и держал скрипучую, пытающуюся открыться дверцу в надежде, что меня не заметят. И, хотя все длилось несколько минут, вылезти я решился только под утро — когда руку свело так, что она не разгибалась еще месяц.

Влияние той старой истории оказалось так велико, что даже сейчас, спустя годы, рука время от времени начинала подрагивать и ныть, словно одержимая призраком того вечера. К счастью, такое случалось нечасто, и в участке никому не было известно об этом маленьком странном недуге.

Что же до исчезновения мистера Олсона... Через пару дней к его дому пришла полиция — семья, на которую он работал, заявила о пропаже. Я видел это, потому что, мучимый чувством вины, крутился неподалеку все это время в надежде... В надежде бог знает на что.

«Любопытство стубило кошку», — прокомментировал бы такую неосмотрительность учитель, и, возможно, оказался бы прав, но именно тогда мне повезло в первый раз — среди нескольких явившихся на вызов констеблей я узнал *его*. Одного из тех, кто был в доме Олсона. И пусть, сидя в шкафу, я ничего не видел, голос

человека, который попросил учителя пройти с ним, я запомнил на всю жизнь.

Ошибиться было невозможно.

Так я узнал о существовании Смиттерсона. В те времена он служил рядовым констеблем лондонской полиции, но и тогда, и, как это стало доброй традицией позже, возглавляемое им расследование закончилось ничем. Олсона с тех пор никто не видел, а через месяц прошли слухи, что он попросту сбежал от карточных долгов и осел где-то на севере. Потом о нем и вовсе перестали говорить — как и о многих других, кто пропал до и после него...

В побег учителя я никогда не верил — Смиттерсон и его подручные не были похожи на нанятых выбивателей долгов. Не верил я и в то, что похищения — работа тайной полиции или других королевских служб. Слишком уж случайными выглядели жертвы. Казалось, их не связывало ровным счетом ничего. Среди пропавших были и прачка из трущоб, и банковский клерк из шикарного офиса в центре города, и престарелая вдова, которая уже десять лет как ослепла и не показывала носа на улицу, и мальчишка-мусорщик, собирающий отходы на берегу Темзы... Список людей из разных мест, сословий и жизненных обстоятельств можно было продолжать вечно.

Но, пока я собирал информацию о них, мне повезло во второй раз: парочка пусть и не очень надежных свидетелей утверждала, что видела у ночных гостей странные рисунки на запястьях. Змея, свернувшаяся в лабиринт, — знак, нарисованный по их описаниям, я назвал для себя именно так. Но мои наброски оказались не похожи ни на одну эмблему хоть сколько-то известных обществ или организаций, что удалось найти в библиотечных справочниках.

Нет, за всем этим стояло что-то другое. Кто-то другой. Новое тайное общество? Секретная антиправитель-

ственная организация? А может, группа продажных сотрудников полиции, купленная богатыми аристократами для своих нужд?

Я склонялся к последнему: спустя пару лет мне удалось найти еще нескольких ее участников. Они тоже оказались полицейскими, но выглядели совсем мелкими сошками по сравнению со Смиттерсоном, который гигантскими прыжками взбирался по карьерной лестнице. Уже через два года не слишком выдающейся работы он дослужился до инспектора, а через десять — стал суперинтендантом. И все эти годы он оставался единственной ниточкой, которая вела меня к настоящим организаторам. Впрочем, других и не было — до поступления на службу мои возможности заниматься этим делом ограничивались лишь расспросами бродяг да осторожными попытками выведать что-то у родственников и соседей жертв.

Думаю, именно желание изобличить Смиттерсона (а главное — его тайных нанимателей) и привело меня в полицию. Вопреки желанию матери. Это можно было понять — с нее вполне хватило страданий от того, как обернулась служба для моего отца. Он погиб при исполнении, когда мне не было и восьми, так что матушка во все не горела желанием расстаться и со мной. А уж после смерти Лиззи...

Впрочем, сопротивление матери оказалось единственной настоящей преградой: поступить на службу в лондонскую полицию оказалось совсем несложно. На здоровье я не жаловался, а сама работавшая гувернанткой мать дала мне отличное образование: большинство новобранцев с трудом могло читать, что уж говорить о письме. Пожалуй, это даже навлекло на меня кое-какие подозрения: с такими знаниями легко можно было устроиться на работу банковским клерком на куда более приличное жалованье, чем те жалкие подачки, что пла-